

Частная территория

Беседа Леонида Шваба и Дмитрия Дейча

Дмитрий Дейч:

Всякий раз когда я имею дело с твоим текстом, возникает ощущение, что там, на том конце провода — живое существо. Это очень странное, почти неосознанное, тончайшее, пронизывающее подобно электрическому току ощущение. К этому невозможно привыкнуть. Наверное, нечто подобное чувствовал Алладин, когда холодный металл заговорил с ним. Из всех артефактов культуры, которые меня окружают, подобным свойством обладают немногие, и среди прочих — Моцарт, который был известен тем, что умел писать сразу начисто. Вот этот факт вызывает и всегда вызывал у меня недоумение. Были ли у тебя стихи, которые сами себя написали — и сразу, целиком, почти без твоего участия?

Леонид Шваб:

Такие стихи были, но крайне редко. Обычно же все происходит не то что бы трудно, но м-е-д-л-е-н-н-о. Я очень медленно пишу, как панда. Я и в быту хотел бы раза в два-три уредить ритмы, мне кажется, что неспешность и душевное здоровье крепко взаимосвязаны. Были и тексты, которые сочинялись невероятно трудно. Должен признаться, что я в полной мере прошел через психоз перфекционизма, в 90-е у меня постоянно были на руках 15 — 20 текстов. Сочинялся новый текст, выбрасывался старый, и так было долго. Мне кажется, что, например, на твоих просторах подобный подход немыслим, что скажешь?

Дмитрий Дейч:

Да нет, у меня как раз так и было. В 90-е годы было пять-шесть текстов, которые всё время переписывались. И в итоге стёрлись совсем. Их нет больше. Сейчас я понимаю, что так нельзя писать. Вернее — можно писать, но написать ничего нельзя. Но, в общем, мы же не ради этого пишем, не ради результата? Вообще, что такое *результат* в работе над текстом? Он есть? Или его нет?

Леонид Шваб:

Результат... Не знаю. И ради чего мы пишем — не знаю. Я много лет провел в странной изоляции, возился со своими 15-ю листиками, а вокруг кипели страсти наши литературные, и в Иерусалиме, и в Тель Авиве. Издавались газеты, журналы, и мне хотелось быть причастным, но, наверное, ходил не по тем улицам. Так вот, схема была проста — ты пишешь, и сам решаешь, хорошо или плохо. Один. Я убежден, что в каждом из нас есть инструменты, позволяющие почти точно определить хорошо или плохо ты написал. Была в той моей тогдашней ситуации определенная честность. И результат вычислялся по двоичной системе — либо текст выбрасывался, либо присоединялся к своду.

Однажды я пришел к выводу, что литература это не самое главное в моей жизни. Обычные человеческие отношения, например, неизмеримо важнее. Текст, конечно, крепко-накрепко привязан к своему времени, но не только ко времени — ко всем твоим домочадцам, друзьям и знакомым, к птицам и деревьям вокруг тебя. Поэтому результат, может быть в том, сумел ли художник «изобразить» это ВСЁ, желательнее ничего не выдумывая и не теряя лица.

Как раз сегодня Глеб Морев поместил у себя в ЖЖ давнишнюю мою заметку о Саше Шарыпове. И вот что я там нахожу (извини, самоцитирую):

«Мне кажется, что чувство родства может и не включать понимания. Это самое родство настолько тонкая материя и, я думаю, нет ничего важнее на свете, чем родство, близость или как там это называется. И пишем мы, может, затем, чтобы породниться с кем-то, кого и на свете, может быть, нет».

Дмитрий Дейч:

Я недавно как раз говорил об этом с Маргаритой Меклиной (извини, самоцитирую)): «Если заглянуть внутрь, попытаться проследить истоки текста, выяснится, что текст всегда подразумевает такую возможность — возможно, графомания в крайних ее формах и есть маниакальное желание прикосновения. Единовременное касание сотен или тысяч рук, пальцев — фрагмент счастливого сновидения...» Но если на мгновение забыть о тексте, быть может, всё, что мы делаем, все побудительные мотивы нашей деятельности сводятся к этому единству? Включая мотивы самой нелепой и разрушительной деятельности — убийства, например?

Леонид Шваб:

Предлагаю заключить договор о несамоцитировании. Увлекательное занятие. Я первый начал, виноват.

Вопрос твой неясен, но если говорить о каких-то мотивах лично моих действий — наверное, это желание не испортить существующий порядок вещей. Я очень серьезно отношусь к свободе выбора, и в сочинительстве тоже.

Дмитрий Дейч:

Вопрос в том в какой степени эта свобода существует? В самом ли деле мы выбираем что писать (шире — кем быть, куда жить, где спать и т. п.)?

Леонид Шваб:

Это настолько важный вопрос, что ответ, мне кажется, должен следовать с префиксом «я убежден». Итак:

- я убежден, что степень нашей свободы определяется нашим желанием эту самую степень определить. Т.е. речь идет о бесконечности.

- я убежден, что ответственность за бесконечную возможность выбора целиком и полностью лежит на нас.

- я убежден, что если мы НЕ выбираем (или недовыбираем) кем быть, куда жить, где спать и т.п., то это происходит только и только от личной нашей трусости, маловерия и нежеланием нести ответственность за свой выбор.

Дмитрий Дейч:

Довольно убеждённый ответ. Хотелось бы, однако, прежде убедиться в том, что «мы» — те «мы», которые способны сделать этот выбор, в самом деле существуем именно как субъект выбора. Давай попробуем разобраться. Кто же тот «я», который способен выбирать? мои — разум? — тело? — воля? Когда ты часами, днями работаешь над текстом, разве не появляется у тебя ощущения, что вдруг открывается дверь в язык, где ты — сам по себе, как единица себя — больше не существуешь? И разве не бывает у тебя ощущения, что текст, над которым ты работал — больше, чем ты?

Леонид Шваб:

«Работаешь над текстом» это вряд ли я :).

Вопрос твой совершенно законный — что есть выбор в системе автор-текст. Хорошо, давай представим некий камертон, звук которого необходимо уловить и настроить под него свои оркестры и хоры. Это и есть, пожалуй, выбор — если камертон молчит, то будь добр, не сотрясай воздух, распусти оркестрантов и иди гулять. Мне кажется, мы много лишнего пишем... Но если звук громок и отчетлив, гулять категорически нельзя — и тогда (ты совершенно прав) ты как единица действительно размазываешься неизвестно по каким горизонтам.

Дима, а почему тебе интересна «технология»? Разве если бы Моцарт не умел сочинять без черновика, что-то изменилось бы? Мне гораздо интереснее, что происходит с текстом после того, как он завершен. Начинается путешествие во времени, и ни пресловутое мастерство, ни количество строчек никакой роли не играют — путешествие может длиться вечно, а может закончиться, не начавшись.

Дмитрий Дейч:

Меня интересует не технология, а процесс. То есть — не только то, что происходит «по эту сторону», но вообще — что происходит на самом-то деле? И я спрашиваю об этом у всех, до кого могу дотянуться. Потому что сам не могу ответить на этот вопрос. Могу только предположить...

По поводу «путешествия во времени» — хотелось бы, чтобы ты уточнил, что имеешь в виду.

Леонид Шваб:

Уточняю. Радикальный пример. Скромная учительница в начале 20 века сочиняет «В лесу родилась елочка». И с того самого дня мохноногая лошадка бежит из вчерашнего дня в день сегодняшний, не останавливаясь и не уставая никогда. Как это работает, почему среди тысяч и тысяч рождественских стихов и песенок звучит именно эта?

Я хочу сказать, что это напоминает игру в бильярд на бесконечном столе без бортов, и сила тяжести в момент удара по шару в редчайших случаях — исчезает. Что приготавливает и создает этот редчайший момент? Мастерство/профессионализм? Понятно, что нет. Преданность делу, иногда вполне болезненная? Не то. Душевное здоровье или нездоровье? Этого мало. Так называемый талант, «драйв»? Этого мало. Я вижу, что начал цитировать известные строчки Арсения Тарковского, впрочем, речь там шла несколько о другом.

Совершенно неясно и то, что происходит с текстом, после того как текст отделился от автора. Для меня очевидно, что влияние автора на текст продолжается.

Дмитрий Дейч:

А текста на автора?

Леонид Шваб:

Ну конечно. По касательным — все время, магистрально — пожалуй, редко. Есть совершенно забытые тексты, но они существуют и могут предъявить в какой-то момент свои требования. Текст — автор — текст, почти по Марксу, только жестче.

А тебе не кажется, что твой интерес к т.н. процессу происходит от неуверенности в реальности этого самого процесса?

Дмитрий Дейч:

Скорее в реальности автора. Меня самого, то бишь... Вот, кстати, Григорий Дашевский пишет: «В стихах Леонида Шваба сновидение впервые превращается в разновидность стихотворной формы», но в самом ли деле это именно *сновидение*? У меня такое ощущение, что за твоим текстом расположена реальность, по сравнению с которой сновидением кажется наша повседневная жизнь.

Леонид Шваб:

Я бы не решился повествовать о своих снах. В моей системе координат это просто исключено. Сон есть материя невероятная и, главное, чрезвычайно личная, то есть — не навынос. Я знаю, что ты считаешь иначе. Проницательнейший Дашевский говорил скорее об эстетике *сновидения*, я думаю.

Реальность автора текста... А реальность автора поступков? Алогичные, вернее вне-логичные поступки совершает буквально каждый. Психологи безусловно объяснят ЗАЧЕМ, но не объяснят КТО.

Возвращаясь к текстам. Существуют таланты-ретрансляторы в чистом виде, ну что ж, это, наверное, и есть чистое искусство. Для меня воля автора существует, с многочисленными оговорками, конечно, но — существует. Автор, обуреваемый своими персональными страстями, вычисляет «свои» пейзажи и ситуации и держит (или нет) дистанцию сообразно своим представлениям о правильно-неправильно.

Дмитрий Дейч:

Возможно ли вообще «неправильно»? Всегда ли то, что было для тебя «правильно», оставалось таковым на протяжении длительного периода времени?

Леонид Шваб:

Конечно, это смешно — правильно-неправильно. Не с каждым «неправильно» я стану сегодня выяснять отношения, иначе, как ты справедливо заметил выше, просто невозможно будет что-то сделать. И тем не менее существует, я бы сказал, детский черно-белый подход к тому, что ты пишешь, и, как мне кажется, лучше бы обходиться без оттенков. Неправильный текст это двухмерное пространство.

Дмитрий Дейч:

Я в последнее время всё чаще прихожу к выводу, что «двухмерного пространства» в тексте не существует. Что любой текст, каков бы он ни был — объяснительная записка, газетная статья, донос — любой, с потолка взятый текст, предложение из двух слов, одно-единственное слово, и даже одна буква, многоточие — часть некоей системы, большей, чем текст, большей, чем любой из нас, и — что самое невероятное — живой. Способной с нами общаться. Живой — не в метафорическом смысле, а в прямом. Живое существо. Неорганическое. Что ты об этом думаешь?

Леонид Шваб:

Я очень рад, что ты это сказал. Именно живое. Именно неорганическое. Для меня двухмерное пространство существует в системе автор-текст. Ты выпускаешь своих уродцев на волю, и они найдут себе компанию, в этом все и дело. Я повторяю — мы действительно пишем и публикуем много лишнего.

Выбор автора — это распознать, что кроме длины и ширины в тексте присутствует вертикальная составляющая. Автор видит, не может не видеть. Даже если через много или немного лет переменятся вкусы и обстоятельства, текст изначально существовал в объеме.

Дмитрий Дейч:

«Объём» текста, о котором ты говоришь, насколько это — субъективно? Скажем, упомянутая песенка про ёлочку, насколько она «объёмна»? Какое отношение «объём» имеет к той самой судьбе текста, о которой ты говорил несколькими абзацами раньше?

Леонид Шваб:

Ты как-то цитировал Хвостенко:

Мыши
Маленькие мыши
Мыши-мыши

На мой субъективный взгляд, также как и на твой (а разве бывает объективный?) — это останется навсегда. Мы это просто знаем. Субъективно знаем. Я не знаю есть ли здесь объем, это не мое дело. Я говорил об авторе и его выборе. «Правильный» или «неправильный» текст, объемный или плоский — решать автору и только ему. Между текстом и автором существует зазор. Мне кажется, что это частная территория автора, и никому стороннему туда ступать не рекомендуется.